

ФАЭТОН

Перевод с древнегреческого и реконструкция Вланеса

Трагедия «Фаэтон» была создана, как теперь считается, в последний период творчества Еврипида, примерно в 420 г. до н. э. Она была знаменита в Античности, но, тем не менее, разделила печальную судьбу многих шедевров того времени.

По сравнению с другими погибшими произведениями Еврипида «Фаэтону» повезло. Codex Claromontanus (VI век н. э.), содержащий послания Апостола Павла, утратил когда-то, в Средние века, две страницы. Человек, чинивший книгу, вырвал две страницы из имевшейся у него рукописи «Фаэтона», попытался стереть еврипидовский текст, подрезал страницы под необходимый размер, вставил их в кодекс и написал на них недостающий текст из «Первого послания к Коринфянам». Этому варварскому поступку мы обязаны сохранением двух существенных отрывков трагедии, в особенности великолепного хора, так восхитившего в своё время Гёте. Рукопись «Фаэтона», пожертвовавшая двумя страницами, до нас не дошла.

В 1907 г. был найдён папирус III века до н. э., содержащий почти полный текст парода трагедии. Это позволило заполнить лакуны в уже известном тексте. Кроме того, имеется несколько небольших цитат в произведениях классиков, например, Страбона и Плутарха. В общей сложности сохранилось 327 строк, многие из которых неполны. Для сравнения: «Медей» содержит 1419 строк, «Ифигения в Авлиде» — 1629. Наверное, до нас дошла примерно 1/4 текста или даже меньше.

При работе над реконструкцией «Фаэтона» я почти во всём следовал рекомендациям Джеймса Диггла в его классическом издании: James Diggle. Euripides. Phaethon. Vol. 12, Cambridge Classical Texts and Commentaries. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Значение этого издания трудно переоценить. Диггл тщательно проверил и восстановил весь сохранившийся древнегреческий текст. Он также исправил ошибки своих предшественников и высказал множество предположений о реконструкции мелких фрагментов текста. Кроме того, Диггл наметил общее развитие сюжета трагедии. Другое ценнейшее издание «Фаэтона», на древнегреческом и английском, содержится в двухтомнике «Фрагментарные пьесы Еврипида»: Euripides. «Phaethon.» In Selected Fragmentary Plays, 195–239. Oxford: Aris & Phillips (Oxbow Books), 2009. Им я тоже постоянно пользовался.

Первая попытка реконструкции «Фаэтона» была предпринята Гёте в 1823 году. Гёте перевёл известный в то время древнегреческий текст на немецкий язык и добавил в прозе объяснение структуры трагедии, описание характеров и проч. Попытку полной реконструкции «Фаэтона» на английском языке, с воссозданием несохранившегося материала, предпринял Алистер Эллиот: Euripides. Phaethon. A Reconstruction by Alistair Elliot. London: Oberon Books, 2008.

Насколько мне известно, реконструкция «Фаэтона» на русском языке теперь предпринята впервые. Мне было трудно примириться с утратой этого произведения и хотелось попытаться восстановить его. Конечно, наивно полагать, что моя реконструкция восполняет утраченный шедевр Еврипида, однако гораздо лучше иметь её, чем не иметь вообще ничего.

Я перевёл весь сохранившийся древнегреческий текст. Фрагменты, фразы и слова, принадлежащие Еврипиду, помечены звёздочками (*) в начале и в конце. Таким образом, читателю всегда будет ясно, где подлинник, а где реконструкция. Правда, нужно помнить о том, что многие слова оригинала восстановлены условно. Тех, кто желает ознакомиться с текстологическими проблемами «Фаэтона», я отсылаю к изданию Диггла.

В тексте пронумерованы только сохранившиеся оригинальные строки и фрагменты строк. Нумерация следует изданию Диггла. Несколько мелких фрагментов, не входящих в основной текст Диггла, оставлено без нумерации.

Для описания полёта Фаэтона в колеснице я заимствовал некоторые элементы из «Метаморфоз» Овидия (II.1-328), который был, несомненно, хорошо знаком с шедевром Еврипида. Диггл рассматривает вопрос влияния Еврипида на Овидия подробно.

Разумеется, претендовать на соавторство с Еврипидом я не могу. Работая над «Фаэтоном», я представлял себе, что передо мной лежит невидимый оригинал, и старался не забывать об особенностях стиля Еврипида, о его манере. Какие-то элементы моей собственной поэзии отразились в данной реконструкции. Это неизбежно и, может быть, не так уж плохо, ведь что может заменить поэзию, как не поэзия? Если моя реконструкция «Фаэтона» даст читателю хотя бы отдалённое представление о прекрасном утраченном оригинале, я буду считать свою цель достигнутой.

КЛИМЕНА

Вот это мой дворец. Меня зовут Климена.

Я в море родилась, но в царстве эфиопском
живу немало лет. Мне мать – сама Фетида,
отец мой – Океан, супруг же мой законный –
*царь Мёроп, властелин большого государства,
где Гелиос парит на пламенной квадриге
и первым багрецом окатывает землю.

1
2
3
4
5

Соседям смоляным здесь видится конюшня,
в ней Гелиос блестит и багрянеет Эос.*

Бог солнечный живёт в своём дворце высоком,
недалеко от нас. Он смотрит за конями,
растит и дочерей, по слухам, превосходных.
Гоня свинцовый мрак, он быстро выезжает
на огненных конях, и с гордой колесницы
бросает на людей приятственное пламя.

Поскольку мы к нему находимся всех ближе,
то мы молочный цвет на коже сохраняем,
а люд окрестных стран, соседи-эфиопы,
от блещущих лучей давно уж почернели.

*Так пламя божества, поднявшись над землёю,
жжёт дальние края, а ближние лишь греет.*

6
7

Была я молодой и плавала, нагая,
в лазурной глубине, когда меня увидел
великолепный бог, летевший в колеснице
по голубым полям изогнутого неба,
и бог вошёл в меня, и я отяжелела,
и стала пламенеть блистательным ребёнком.

Испуганный отец пытался поскорее
мне мужа отыскать, и вот явился Мероп,
который пожелал стать зятем Океана
и славой просиять у чёрных эфиопов.
Потом любимый сын, мой Фаэтон родился,
а Мероп убеждён, что он – отец ребёнка,
он сыном очень горд и хочет, чтобы мальчик
женился поскорей и правил государством.
Так вышло, что и муж, и Гелиос лучистый
решили в жёны дать красавцу-Фаэтону
одну из Гелиад. Конечно, Мероп счастлив
стать родичем богов, и он совсем не знает,
что брату и сестре назначена женитьба,
что радужная кровь разбавлена не будет
слиянием с густой, тяжёлой смертной кровью.
И Гелиосу брак детей своих приятен,
он станет навещать возлюбленного сына,
наденет и на мать усиленные узы.
Я чувствую, что бог меня не отпускает!
Когда я выхожу на улицу из дома,
то льётся на меня лавина поцелуев,
и даже в самый дом струится свет медовый
из окон и дверей! Прикосновенья бога,
горячий пламень губ и ласки золотые
я знаю много лет! Наверное, так нужно.
Кто раз принадлежал всевидящему богу,
тот будет с ним всегда. Скажите, что мне делать?
Мой сын уже подросток, и не похож несколько
на Меропа лицом! И Гелиос, быть может,
когда-нибудь про всё поведаёт супругу,
с которым он теперь немного подружился!
Поступки божества предвидеть невозможно,
и я схожу с ума от страшного волнения!
Как Меропу сказать, что мы ему солгали,
что нет, не от него наш Фаэтон родился?
Свирепый гнев царя представить невозможно!
Мой муж честолюбив и, как все честолюбцы,
до крайности ревнив! Он сразу нас прогонит,
а, может, и казнит! О, боги! Что же делать?
Конечно, Фаэтон – единственный наследник,
а мой отец велик. Возможно, нам удастся
смирить супружний гнев. Как стыдно, как ужасно!
Хотела я молчать и дать судьбе опутать
минувшие дела своим плетеньем пёстрым!
Но разве я могла надеяться на это?
За что мне эта боль? Чем я-то виновата?
Что делать мне с такой божественной любовью,
как жернов золотой, ломающей мне шею?
Сыночек мой родной жениться не желает,
он молод, и горяч, и любит развлеченья,

компанию друзей, гимнастику, охоту,
ещё он говорит, что вовсе недостойн
дочь бога в жёны взять, что мужу неприлично
быть ниже, чем жена! Он молод и наивен!
Что делать было мне? Ему я рассказала,
что сам он полубог и должен царством править,
тогда и старый царь, когда про всё узнает,
не сможет навредить ни матери, ни сыну.
Но я ещё не все поведала несчастья!
Не верит мне сынок! Он думает, что Мероп
в согласии со мной его толкает к браку,
выдумывая ложь про чуждое отцовство!

Как мне быть? Я совсем пропадаю!
Фэтон мой! Сыночек любимый!
Почему ты не слушаешь маму?
Наберись дерзновенья, сыночек!
Будь достойным отца золотого!

ХОР

Успокойся, Климена! Не надо
заволакивать небо слезами!
Ведь пока ничего не случилось!
Может быть, всё ещё обойдётся!
Есть и в сердце богов состраданье!

Кл.

Вам легко говорить, дорогие!
Вам самим не грозит наказание!
Вас никто никогда не бесчестил,
наливая вам золота в чрево!
Вы когда-нибудь сами страдали?

Хор

Каждый дар, приходящий от бога,
давит сердце, ломает ладони,
всё же смертным нельзя отказаться
от гибели высшего блага!
Боль с любовью, увы, нераздельны!

Кл.

Всё, милые мои! Довольно разговоров!
Смотрите! Фэтон у двери появился!
Заметил он меня и вот, сюда подходит,
лаская стебли трав прекрасными ступнями!

ФАЭТОН

Сегодня жаркий день пообещала Эос.
Ты, милая, не спишь? Я встал ещё до света,
проверил крепкий лук, размялся, искупался,
голодный мой колчан едою стрел насытил.
Проворные рабы уже бегут в конюшни,
готовят лошадей для доблестной охоты,

	и скоро мой отец по небу понесётся, приветствуя меня из розовой лазури!	
Кл.	Тебе бы всё шутить! Подумай, как серьёзно слагаются дела! Ты что собрался делать?	
Фаэт.	Что делать? Ничего! Поехать на охоту и окатить зверей лавиной стрел упругих!	
Кл.	Сыночек мой родной! Ты мне совсем не веришь!	
Фаэт.	Послушай! Не по мне *общение с богами*.	8
	Тебя *послал отец*. Я это ясно вижу.	9
Кл.	Да! Мероп для тебя прекрасный *брак* устроил!	10
	Ты должен стать царём и породниться с богом!	11
Фаэт.	С лучами божества как можно породниться?	12
	Неравен этот *брак*, и для меня бесчестен!	13
Кл.	Зачем я буду лгать? Родился ты от бога, и кто тебе отец, *я* лучше понимаю!	14 15
	Гляжу я на тебя и *вижу* несомненно, что создало тебя божественное семя!	16 17
Фаэт.	А я тебе скажу, что мне совсем не ясно, зачем для этой лжи, для *свадебных* обрядов тебе, да и *отцу* охота унижаться?	18 19 20
	Он, сына поживив, откажется от сына?	21
	Тогда бы мне сам бог стал и *отцом*, и тестем!	22
Кл.	Я снова говорю, *родившая прекрасный* подарок в этот мир! *Жениться на богине* ты можешь, дорогой! *Твердишь ты непрестанно*, что, смертный человек, *богов* ты недостоин.	23 24 25 26
	Как ты неправ, сынок! Ты зря моим *надеждам* безжалостно вредишь и нас не защищаешь!	27 28
	Мы мирно тут живём и, видно, *забываем*, что Мероп своего родного сына *любит*, не пасынка, пойми! Но нас твоя *женитьба* спасёт и защитит! Неужто непонятно?	29 30 31 32
	Какой ужасный стыд и *горькие* страданья готовит нам судьба! Нас царь не пожалует! Когда он всё поймёт и *чей* ты сын, раскроет, нам всем несдобровать! И твёрд, и страшен Мероп!	33 34 35 36
Фаэт.	Ты, мама, не кричи. Твои слова безумны, но я проверю сам, что ты *мне рассказала*.	37 38
	Я мнимого *отца* поеду повстречаю и сразу посмотрю, как будет он доволен приветить у себя *возлюбленного* сына!	39 40 41
Кл.	Для каждого отца вид сына *драгоценен*! Бог Солнца – наш сосед, как ты *прекрасно знаешь*. В своём большом дворце он только что проснулся.	42 43 44
	Коня ты оседлай, быстреешего из быстрых, и поскачи туда! Доедешь очень скоро! Мне бог пообещал, что он моё желанье исполнит, и за мной осталось это право.	
	*Напомни богу то, что он сказал мне в спальне.	45
	Желанье лишь одно, и большего не требуй!	46

	И если ты найдёшь ответ своим сомненьям,	47
	ты, значит, божий сын! А если нет, я лгунья!	48
Фаэт.	Но как же мне войти в дом Гелиоса жаркий?	49
Кл.	Он проследит за тем, чтоб ты не опалился.	50
Фаэт.	Как следует отцу. Твои слова толковы.	51
Кл.	Не сомневайся, сын! Ты скоро всё узнаешь!	52
Фаэт.	Ну, ладно. Ты не лжёшь. Теперь мне это ясно.	53
	Давай, иди к себе! Уже во двор выходят	54
	служанки, чтобы дом, отцу принадлежащий,	55
	заботливо мести с уменьем каждодневным,	56
	и вещи прибирать, и местным фимиамом	57
	все входы во дворец окуривать прилежно.	58
	Покинув сети снов, отец мой престарелый	59
	приблизится ко мне, пройдя через ворота,	60
	о браке говорить. Я Гелиоса встречу	61
	и станет ясно, мать, насколько ты разумна!	62
ХОР		
	Эос только что пришла,	63
	поскакала по земле,	64
	над моею головой	65
	растворился хор Плеяд.	66
	На деревьях соловей	67
	завучал изящной трелью,	68
	запечалился, родной,	69
	и заплакал: «Итис! Итис!»	70
	Задудели на горах	71
	пастухи своим стадам,	72
	побежал на луг табун	73
	золотистых жеребят.	74
	Собираются псари	75
	на звериную охоту,	76
	в океанской синеве	77
	лебедь бархатно клекочет.	78
	Заработали вёсла живых кораблей,	79
	понукаемых шумным дыханьем ветров!	80
	Моряки паруса поднимают, крича:	81
	«Приведи нас, владычица ветра, домой!	82
	Мы хотим в тишине,	83
	при безмолвии бурь	84
	к нашим жёнам и детям вернуться скорей!»	85
	Как вздувается парус, упёршись в канат!	86
	Это, впрочем, пускай беспокоит других!	87
	Мне же хочется к свадьбе любимых господ	88
	с полным правом, со страстью пропеть гименей!	89
	Процветанье господ осчастливит рабов,	90
	и бесстрашно они	91

сладкий гимн запоют, 92
если только не сдавит родную семью 93
тяжкий страх, порождение тяжкой судьбы! 94

Назначен этот день для брака, 95
об этом долго я молилась! 96
Пришла я гименей любимый 97
любимым господам исполнить! 98
Бог дал и время сотворило 99
блаженство брака для хозяев! 100
Пускай же лучший гимн раздастся! 101

Но царь у двэри появился! 102
С ним Фазтон и жрец-глашатай! 103
Все трое, как одна упряжка! 104
Мы рты молчанием наполним! 105
Царь скажет о вещах великих! 106
Он свяжет сына и невесту 107
священным бракосочетаньем! 108

(ГЛАШАТАЙ)

Вы, жители просторов Океана, 109
теперь молчите! 110
Из обиталищ ваших выходите, 111
спешите, люди! 112
Я ныне царский пир провозглашаю, 113
величье трона, 114
толпу детей! Для этого мы с вами 115
на площадь вышли! 116
Сегодня царь устроит сыну свадьбу! 117
Но пусть народ пока молчит об этом!* 118

МЕРОП

Пора взрослеть, сынок! Оставь свои забавы, 120
взойди на трон отца! *И если я разумен*
и мудро говорю, ты тоже согласишься,
что нам с тобой везёт! Сам Гелиос не против
зайти в наш добрый дом и породниться с нами!
Великолепный день! Наш город станет мощным,
опасным для врагов! С ним будут все соседи
считаться, *от него* приказы получая! 121
Готов я и тебя правителем назначить, 122
зависит от тебя моё постановление! 123
*Так якорем одним не сбережёшь ты судно,
как если спустишь три. Один правитель шаток,
и должен быть вторым расчётливо поддержан.* 124
А в силу ты войдёшь немалую, наследник, 125
женившись на такой божественной невесте! 126
Ты *в браке* возрастёшь и, я уверен, станешь 127
уже совсем *другим*, опасным, превосходным! 128

Отдаст великий трон тебе старик-родитель, 131
 и, юный господин, ты род наш обессмертишь 132
 цветением своим, кипеньем юной крови! 133
 Мне бог не даровал наследника другого, 134
 поэтому, *сынок*, ты должен подчиниться 135
 желанью *старика*, бредущего к могиле! 136
 Да! *Юные* сердца не постигают старых, 137
 настолько им важна их собственная ценность! 138
 Ужасно это всё! Растраченные силы, 139
 усердие души, пропавшее напрасно! 140
 Всё царство для тебя, как вспаханное поле – 141
 упав туда зерном, разбухни, разрастайся! 142
 А я, *имея* трон, тобою укрепленный, 143
 спокойно буду жить. Когда меня *похитит* 144
 голодная *война*, когда нахлынут годы, 145
 я не оставлю *скорбь* в огромном этом царстве, 146
 за город мой *страшась*, но ты, мой сын любимый, 147
 приобретёшь и трон, и все мои владенья! 148
 Когда ты станешь сам отцом детей достойных, 149
 стареть *и жить* начнёшь в покое и довольстве! 150
 Ты женишься, мой сын! Твоя судьба решилась! 151
 И не подумай вновь со мной об этом спорить, 152
 всё это трата слов, напрасные старанья! 153
 Полита *пашня*, сын! Зерно уж набухает 154
 и обещает *всем* великолепье жатвы, 155
 и боги, *поглядев* на радостную ниву, 156
 неведомые нам, возрадуются с нами! 157

Фаэт.

Благодарю, отец. Оратор ты великий!
 Цветной лавине слов непросто не поддаться,
 но царствовать мне тут совсем не интересно,
 водить в поход войска, у чёрных эфиопов
 подарки вымогать. Женой навеки связан,
 отягощён семьёй и страхами за царство,
 я сделаюсь, отец, несчастным человеком!
 По комнатам бродить в расшитом балахоне,
 как тень от золотой, но потускневшей башни,
 прохладное вино отхлёбывать из кубка
 и ждать, пока тебя соперники прирежут –
 нет, это не по мне! Иная мне корона
 приятнее, отец, отлитая из ветра
 и пламенной зари! Люблю я пить иное,
 горячее вино, текущее по пальцам,
 как трепет кружевной рубинового ливня,
 когда несусь я вдаль, с душой коня сливаясь,
 в толпе моих друзей, на славную охоту,
 и в рыжих антилоп восторженно стреляю,
 натягивая лук всем сердцем, не руками!
 Люблю я и покой, блаженные минуты,
 когда мои друзья за хворостом уходят
 и на большом огне поджаривают мясо,

а я стою один, посеребрённый дымом,
гляжу с утёса вниз, на синие долины,
и если бы вполне я смог себя уверить,
что я и вправду бог, то я бы оттолкнулся
ногами от скалы и, как второе солнце,
взошёл бы над землёй, не ведая заката!
Да, я хочу летать, хоть я обычный смертный,
но это не дано, не нужно, невозможно
глухому естеству, приниженной природе.
Я лишь могу порвать своим воображеньем
телесные тиски, но тело вновь плотнеет
и тянет душу вниз, так сильно, так настырно,
как будто проломить желает эту землю
и оказаться там, в постылой тьме Аида!
Но я могу стерпеть какой угодно ужас,
мешающий взлететь в сиреневое небо,
куда меня влечёт с невероятной силой,
как будто там и есть мой город настоящий!
О чём я говорю, я сам не понимаю!
Когда же я решу не ехать на охоту,
в гимнасий мы идём и, умастившись маслом,
готовимся к борьбе. Мне сладостно движенье
стригила по тугой, великолепной коже,
пунцовой волной мерцающей под бронзой,
мне радостно сжимать нагое тело друга,
скользящее в моих безжалостных объятьях,
и прыгать в синь реки, густой, быстротекущей,
и звонко леденеть, как лезвие кинжала,
который сотворён искуснейшим Гэфестом!

- Мер. Тебе я уступлю ораторские лавры,
а ты меня за то внимательно послушай!
- Фаэт. Я всё тебе сказал. Чего ещё добавить?
- Мер. Ты голову свою избавь уже от ветра!
- Фаэт. Пусть ветер в голове, но ждёт меня свобода!
- Мер. Свобода вся уйдёт, когда меня не станет!
- Фаэт. Напротив! Лишь тогда она придёт надолго!
- Мер. Кому ты нужен, сын, без денег и без трона?
- Фаэт. Друзьям, которым я безмерно доверяю!
- Мер. Друзья твои сбегут, когда запахнет гарью!
- Фаэт. Кто друг, тот не сбежит! А прочих и не жалко!
- Мер. Оставшись без меня, как царство ты удержишь?
- Фаэт. По-своему, отец! По гордой воле сердца!
- Мер. Как ты наивен, сын! Тебя друзья низвергнут!
- Фаэт. Я буду сам решать, что делать в этом доме!
- Мер. От стражников своих позорно ты погибнешь!
- Фаэт. Начну повелевать своим существованьем!
- Мер. А могут и прийти с оружием соседи...
- Фаэт. Приказы отдавай своим рабам послушным!
- Мер. ...тебя у алтаря прирежут, как барана,
и мать поволокут в какое-нибудь стойло,

мои же сундуки на землю опрокинут!
 Закован в кандалы, как раб, рождённый в рабстве,
 ты будешь у свиней ночами красть объедки,
 не антилоп стрелять! Фаэт. А я вовек не стану
 тем лживым женихом, предательским товаром!
 *Свободный человек, он стал рабом постели, 158
 он продал сам себя в погоне за приданым!* 159
 Мер. Как можешь ты, сынок, услышать голос царства,
 когда и для царя ты уши закрываешь?
 *Я глупостью большой считаю между смертных 160
 дать сыну власть отца, дать гражданам правление, 161
 когда и сын глупец, и граждане безмозглы.* 162
 Но как мне выбирать? Я уж давно не молод,
 и бог не станет ждать, пока мы соизволим
 войти в его семью! Поэтому сегодня
 ты женишься, мой сын! Ты думай что угодно,
 однако выполняй отцовское веленье,
 иначе я тебя в изгнание отправлю,
 и ты узнаешь сам, как нежные соседи
 начнут себя вести с наивным голодранцем
 и как приятно жить, скитаясь на чужбине!
 Фаэт. *Кормилица-земля повсюду нам отчизна!* 163
 Мер. Я снова повторю! Приди в себя, безумец!
 Фаэт. Не горячись, отец! Я вот что тут подумал!
 Не поскакать ли мне в обитель бога солнца
 и самому взглянуть на девушек чудесных,
 и выбрать ту из них, которая всех краше,
 и привезти её к началу нашей свадьбы?
 Мер. О! Видно, некий бог сошёл с полей небесных
 и вплёл тебе в язык разумные глаголы!
 Как ярко ты расцвёл! Как вдруг переменился!
 Как сердце старика блаженством переполнил!
 Давай! Скачи скорей! В дорогу отправляйся!
 Но только возвратись, прошу тебя, к полудню,
 а я уже сейчас твой выбор одобряю,
 нам, сын мой, подойдёт любая Гелиада!
 Невесту привези! А я бегу готовить
 благое торжество, разучивая с хором
 изящный гимений, как мёд, сладкотекущий!
 Фаэт. Ах, взбалмошный старик! Уже к себе помчался,
 мгновенно позабыв про царскую надменность,
 не терпится ему с богами породниться,
 как жалко это всё! Но было бы немудро
 совсем его ругать. Он был отцом хорошим,
 он выкормил меня, он дал мне воспитанье,
 приличное царю, и, в общем-то, особо
 меня не притеснял. Напрасно я ругался,
 тираном называть его несправедливо.
 А как он засиял и как расцвёл улыбкой,
 когда я вдруг сказал, что с Гелиосом буду

сегодня говорить, когда ему всю душу,
весь ум воспламенил согласьем несогласным!
Я никакой любви не чувствую к бедняге,
и к этому дворцу давно я равнодушен,
хоть я и вырос тут, и был вполне счастливым,
пока ещё не знал о счастье настоящем!
Как странно это всё! Другие бы, имея
то, что имею я, себя бы полагали
блаженными людьми, а я брожу, как призрак,
по комнатам дворца и с отчимом ругаюсь.
Вот отчимом и стал многострадальный Мероп,
а раньше был отцом, хотя и нелюбимым!
Я большего хочу, я большего достоин!
Хочу я облаков, и грома, и восходов,
и огненных зарниц, и шелестящих крыльев!
Но нет! Я кто такой? И как могу я в жёны
дочь Гелиоса взять? Да разве я достоин?
Как просто всё в полях, на воле, на охоте!
Вот лань, вот конь, вот лук. Скачи, стреляй, мужайся!
А здесь я не могу схватить себя руками
души. Она стоит и только воздух ловит.
Похож я на стрелу, не знающую лука,
она остра, тонка, но всё же бесполезна.
Неужто мать права? Неужто в самом деле
мне Гелиос отец? Но это невозможно!
Зачем так много лет со мной совсем не знаясь
и лишь теперь сказать? О полукровках, впрочем,
благие божества нередко забывают...
Допустим. Но зачем и раскрывать отцовство,
и девушку давать в тот дом, который сам же,
раскрытием своим, ты напрочь разрушаешь?
Мать просит, чтобы я в дом Гелиоса съездил
и всё там разузнал. Мне нужно подчиниться
хотя бы для того, чтоб Мeroпа отныне
считать себе чужим. Как он брюзглив и жаден!
Глупеет этот царь быстрее, чем богатеет,
всё бегаёт, кричит, желая роскошь мира
к рукам своим прибрать и славы наглотаться.
*Ужасно это всё, но богачам врождённым
недостаёт ума. Какая в том причина?
Богатство – слепота, оно туманит разум
и делает слепым любого человека.*
Я вовсе не хочу упасть в жену, как в омут,
но разве обойтись без этого проклятья?
Не даст мне Мероп жить, как я того желаю,
и следует признать, что говорит он правду,
что редкий человек спрягается с богиней.
А, может, бросить всё и ускакать отсюда?
Куда? Не знаю сам! И кто меня пригреет?
Хватает мне вполне и внутренней пустыни,

164
165
166
167

чтоб сердце отягчать наружными песками.
Уже моя щека румянится, теплеет
от первого луча багряного светила,
который заскользил по дому и по саду.
Ну что же, поскачу, и встречу бога солнца,
и медленный бутон своей судьбы раскрою,
и смело погляжу на бархат сердцевины!

Хор

Уже несётся конь, игрневый, поевший
отборного зерна. Божественное семя
с божественной землёй размеренно сольётся,
как золото росы в плавильне чернобокой!
Не нужно, чтобы сын боялся глаз отцовых,
не будет солнце жечь своё дитя родное!
Уздечки дребезжат, готова колесница
и кони бьют крылом по бронзовым перилам!

Войдёт он во дворец, увидит стол блестящий,
а на столе вино и лакомые яства,
он встретится с отцом, великолепным богом
и с дочерью его: с Меропой синеглазой,
и с Гелией благой, и с Эглой белокурой,
и с Фебой золотой, дающей землянику
на блюдечке цветном Лампетии роскошной,
Этерии льняной, разумной Диоксиппе.

Возляжет он за стол, глазами пробегая
по женской красоте, по линиям душистым.
Как выбрать? Что решить? На ком остановиться?
Кого назвать женой, судьбой, ограничением?
Задумается он, водя горячим пальцем
по чаше расписной, по птицам глянецкрылым,
в раздумье погружён под статуей Киприды,
окутанной сурьмой и ладаном ливийским.

Кто выпил мёда слов, произнесённых богом,
того не уловить на смертные глаголы,
кто побыл во дворце, построенном из неба,
тому нет смысла жить на обожжённой глине,
кто яблока вкусил с искрящейся ладони,
тот будет и мечтать, и мыслить по-иному,
бесстрашно и легко, не ощущая сердцем,
губительной черты, судьбою проведённой.

Что нам готовить для этой свадьбы?
Чёрные пеплосы? Скорбный танец?
Нам обводить ли кармином губы,
чтобы исполнить пэан прощальный?
Ополоснуть ли в реке ладони,
чтоб ударять по груди упругой?

Многое, многое видит сердце,
не погребённое под надеждой,
многое, многое знает разум,
не затуманенный ожиданьем!
Катится яблоко под секиру,
молния падает в пруд глубокий,
небо алеет, как земляника,
смачно раздавленная копытом!

- Мер. Ну что, моя жена! Умчался Фэтон!
Сказал, что привезёт завидную невесту!
Я в споре победил! Ты видела сама,
что я ещё могу воздействовать на сына!
- Кл. Надеюсь я, что сын доскачет хорошо
и бога во дворце застать ещё успеет.
- Мер. Успеет! На заре им нужно и помыть,
и маслом золотым обмазать колесницу,
потом она стоит и ждёт, пока лучи
распустятся на ней и дружно засияют.
- Кл. Смотри, мой милый муж! Вот *сгусток золотой*
поднялся над стеной пушистых кипарисов.
Бог выехал, взлетел! К нам скоро Фэтон
вернётся! Путь домой короче, чем из дома!
- Мер. Представь себе, жена! К нам Гелиос придёт!
Потом он позовёт и нас, конечно, в гости!
Я буду пить нектар и с богом говорить
и о земных делах, и даже о небесных!
Сам Гелиос вино мне будет наливать!
- Кл. Не будет. У него на службе виночерпий.
- Мер. Подружимся мы с ним, и бог мне поднесёт
роскошные дары, и почести окажет,
как мудрому царю, и светлой голове,
философу, бойцу! Вот зависть-то соседям!
А уж потом и сам пожалует сюда
в дождливый некий день, и будет с нами вместе
шутить и пировать. Нам нужно поскорей
покрасить новый зал! Отдай распоряженья!
О, я всегда хотел до старости дожить,
но до такой! Нет-нет! Я и мечтать боялся,
что бога приглашу за пиршественный стол!
Как жаль, что мой отец уже сошёл под землю!
Он сам бы посмотрел, как сын его воспрял,
вознёсся, засиял! Он сам бы... Кл. Слушай, Мероп!
Что это? Снова гром? Темнеют небеса?
Такой хороший день как будто начинался!
- Мер. Дождям пора пройти, а небу – замолчать.
- Кл. А что же в облаках сгущается, грохочет?
И воздух помутнел, и птицы не поют.
Как жарко! Я сниму, наверное, накидку.
Я куталась в неё, от холода дрожа.

Мер. Ты не больна, жена? Кл. Кто знает! Мер. Перед свадьбой
у всех то жар, то холод. Не бойся! Всё пройдёт!
Однако же дышать и мне тяжело.
Я слишком возбуждён. Пойду вина хлебну,
а после гименей с певучим нашим хором
разучивать начну. Как счастлив я, жена!

Хор Затуманилось небо хрустальное,
птиц не слышно на палевых яблонях,
кипарисы лишь белые тянутся
к одиноко летящему облаку.
Но не бойтесь, не будет затмения,
колесница на небе покажется,
и колёса, окованы золотом,
снова лягут в привычные борозды.
Мы не властны над тем, что случается
в складках неба, для нас необъятного,
не набросить уздечки нам шёлковой
и на сердце, бездумно взлетевшее.
Встала Эос в хитоне узористом,
растопырила пальцы лиловые,
и с ладони её, словно яблоко,
сердце в пыль покатило глубокую.

Кл. Но как я долго жду! Как это нестерпимо!
Как тяжёлый этот злой, невыносимый день!
Всё шатко. Под ногой волною ходит время,
и снова я стою на жидкой синеве
с толпой моих сестёр. Мы раньше так играли,
кто первый упадёт в лазоревую плавь.
Была я молодой, с великолепным телом,
ходила я легко, ступнями шелестя,
а что теперь? Ничто! Я вся отяжелела,
урывками живу, волнуясь, трепещу,
и эта вот земля мне кажется глубокой
пучиною морской. Не думал мой отец,
как буду я хиреть в толпе обычных смертных!
Но что произошло? Как встретил сына бог?
Прогнал его, признал? Кто высший ум постигнет?
Не любят божества, когда им говорят
о клятвенных словах, даваемых охотно
в объятьях, в тишине унявшейся любви.
Да что там за любовь! И что мне бог оставил?
Как можно мне любить благую красоту,
которую весь мир безмерно обожает?
Моя душа падёт студёным огоньком
в пылающий котёл, в огонь крылатой страсти!
Я Меропа терплю, он царь мой и супруг,
но жизнь моя теперь изменится, наверно.
Что если Фэтон у Гелиоса жить

захочет во дворце, и Мероп всё узнает,
и выгонит меня скитаться по пескам
изгнанницей седой, не женщиной, а тенью?
Он пылок и горяч. Могу я заплатить
и жизнь за свой грех. Мне разве бог поможет,
когда я со стены на камни полечу?
Нет, смерть не удержать лучами золотыми!
Сегодня блёклый день, и Гелиоса нет,
и небо дребезжит протяжно и тоскливо,
как лопнувший кувшин, в котором нет вина.
Я падаю в себя, стираюсь, распадаюсь,
и достигаю той невидимой черты,
где сила, что нужна для противостоянья
волне моей судьбы, меня же разобьёт.
Хор Климена, не горюй! Всё сложится чудесно!
Не надо так страдать! Бог вовсе не жесток!
Смотри! Вон старый раб, который с Фазтоном
сегодня ускакал! Сейчас он сообщит
отраднейшую весть! Смотри, как он подходит,
как молодо скользит ступнями по песку!
Так можно приносить лишь радостные вести!
Ликуй! Всё хорошо! Не стоило страдать!

ВОСПИТАТЕЛЬ

Царица! Нам конец! Я во дворец примчался,
почти загнав коня! Беда, беда случилась!
Кл. О чём ты говоришь? Да не тяни! Скорее!
Восп. Дай дух перевести! Язык мой тяжелеет!
Кл. Не мучь меня! Ответь! Что стало с Фазтоном?
Восп. Нет сына твоего! Упал он с колесницы!
Кл. С какой? Куда упал? В глазах моих темнеет!
Восп. Дал Гелиос ему по небу прокатиться!
Кл. Старик, да говори! Что именно случилось?
Быстрее начинай! Рассказывай подробно!
Ст. Сейчас начну, сейчас! Как ты переменилась!
Как жутко ты глядишь и стискиваешь руки!
Как блещут льдом глаза, ещё не в силах плакать!
Кл. Не отвлекайся, раб! И приступай к рассказу!
Устала я уже от этих предисловий!
Восп. Мы выехали вскачь по утренней равнине
и сразу на восток помчались торопливо.
Сначала Фазтон был молчалив и мрачен,
он гнал и гнал коня по бежевой пустыне,
но вскоре посветлел, разгорячённый скачкой,
забыл свою тоску и нёсся долькой света,
с игреневым конём в одно пятно сливаясь.
Я мчался вслед за ним. И вот, над степью вырос
рубиновый дворец. Я очень испугался,
что мы сгорим дотла, однако чем быстрее
мы близились к дворцу, тем пламя становилось

прохладней и нежней. В кедровые ворота
стучал зелёный сад своей рукой душистой,
и светлые ручьи журчаньем голубиным
баюкали эфир, дрожа, переплетаясь,
как синий шёлк волос красавицы нездешней.
Мы вместе с ветерком в открытые ворота
вошли, а во дворе стояла колесница,
торжественно круглясь и золотом блистая,
окаймлена кольцом извивистой лазури.
Когда твой Фаэтон увидел колесницу,
он смолк и помрачнел. Нам двери открыли
послушные рабы, и мы вдруг очутились
под крышей золотой, в невероятном зале.
Там не было углов, но совершенной сферой
тянулась толща стен, а в нишах отдыхали
столетья, божества годов быстробегущих.
Была там и Весна в плаще из маргариток,
и Лето, всё в пыльце, в короне из колосьев,
и Осень с янтарём, ей шею тяжелившим,
и с пятнышком вина на нежном подбородке,
и хмурая Зима, седая, в белом платье.
Стол яшмовый мерцал посередине зала,
и бог там возлежал, в блистающей накидке,
расшитой серебром, и бисером, и шёлком.
Запястья божества браслетами звенели,
а локоны текли, как речки золотые.
С ним дочери его, одна другой волшебней,
как стайка дружных птиц, приятно щебетали.
Когда великий бог увидел Фаэтона,
он встал и протянул приветственные руки,
зовя к себе за стол возлюбленного сына,
рабам же приказал идти коней готовить,
а сам опять возлёт для гостя дорогого.
Сначала Фаэтон не говорил ни слова,
богатством поражён и близостью дурманной
смеющихся богинь. Он лишь водил глазами,
по женской красоте скользя горящим взглядом
и красное вино отхлёбывал из чаши,
но вскоре осмелел, воспрял, разговорился
и начал отвечать на вопрошанья бога.
Однако бог сказал, что нужно отправляться
и светло-синий свод объехать в колеснице,
что больше ждать нельзя. Велел он Фаэтону
остаться во дворце и выбирать невесту,
а сам он обежит небесное пространство
и вечером домой спокойно возвратится,
и все они потом отправятся на свадьбу,
поскольку завтра дождь пошлёт на землю боги,
чтоб Гелиосу дать досуг необходимый.
Зарделся Фаэтон: «Я вовсе недостоин

стать зятем божеству, жениться на богине!»
А Гелиос уже в дверях оборотился
и говорит, смеясь: «Об этом не волнуйся!
Ты знаешь хорошо, что ты мой сын любимый!
Вчера я слышал сам, по небу пролетая,
как обо всём тебе Климена рассказала!»
«Я матери моей ни капли не поверил,
поэтому к тебе приехал я сегодня,
чтоб убедиться в том, что мы с тобой родные!»
Тут кони во дворе заржали беспокойно,
а Гелиос в ответ: «Как в этом убедиться?
Ты разве, дорогой, богам не доверяешь?»
«Ты с матерью моей лежал однажды в спальне
и там поклялся ей, что ты одно желанье
исполнишь для неё. Теперь я и приехал,
чтоб ты, как обещал, желанье то исполнил.»
«Климена никогда со мной не говорила
об этом. Хорошо! Я связан обещаньем!
Я слушаю тебя! Клянусь, что всё исполню!»
«Хочу я на твоей проехать колеснице
и править в небесах четвёркой златогривой!»
Бог сильно помрачнел, и плотные ресницы
упали на глаза густой, сапфирной тенью.
«Раскаиваюсь я в своём поспешном слове.
Пожалуйста, проси чего-нибудь иного!
Я бог, но я и раб однажды данной клятвы!
Я всё тебе дарю! Лишь этого не требуй!»
Так бог его молил, но Фаэтон упрямо
все просьбы отвергал, смотря недвижным глазом
на белый асфодель в руке Зимы суровой.
«Задумал ты, сынок, опаснейшее дело!
Ты правда полубог, но этого не хватит,
чтоб справиться с таким трудом невыполнимым,
который даже мне выламывает руки,
опустошает ум, выматывает сердце!
Подумай! Даже Зевс, великий Громовержец,
не смог бы пролететь на этой колеснице,
уже не говоря о прочих олимпийцах!
Я сам, за годом год, столетье за столетьем
учился управлять мятежными конями.
Ты только посмотри! Вот шрамы на ладонях,
прорезанные вкось упругими вожжами!
Мой сын! Таких коней ты никогда не видел!
Их гривы сплетены из огненного ветра,
их шеи напряглись подобно луку Феба,
готовому весь мир четырежды поранить!
Ни сокол, ни орёл так в небо не взовьётся,
как эта четверня! Сначала ты встречаешь
весьма крутой подъём. Трясёт всю колесницу,
и лёгкие болят от жаркого эфира.

Вторая часть пути – безумная бездонность
 истошной синевы, висящей над землёю.
 На этой высоте от головокруженья
 колеблется моря, и горы, и долины!
 Ты думаешь, там свет, и города, и царства,
 и сборища богинь в багряных одеяньях?
 Там только немота, и синий мрак, и ветер!
 Лишь блещут иногда свинцовые созвездья,
 и целится Стрелец в твоё тугое горло,
 и грузный Рак трясёт мясистыми клешнями,
 и медленным клыком сверкает Лев жестокий,
 и клонит Скорпион убийственное жало!
 Как ломтик хлеба, сын, ты в космос окунёшься
 и, горестным вином губительно пропитан,
 исчезнешь в челюстях неутолимой бездны!
 И даже если ты свой тяжкий путь закончишь
 по воле божества, жалеющего глупых,
 то как тебе спастись от неизбежной смерти,
 ввергаясь в океан с высот необозримых?
 Фетида, даже та от ужаса трепещет,
 когда я с высоты бросаюсь в бездну моря!»
 Но Фаэтон молчал. Тут бог вздохнул и тихо
 промолвил: «Хорошо. Пусть будет, как ты хочешь.
 Наверное, судьба тебя ведёт на небо.
 Не налегай на кнут и правь рукою твёрдой.
 Коням известен путь. Ты не мешай им только
 невежеством своим, и дерзостью, и страхом.»
 Пошли они во двор, а там уже блистала
 узором золотым большая колесница,
 вершина мастерства могучего Гэфеста.
 Тут слуги подвели коней великолепных,
 их взяли под уздцы сестрицы-Гелиады.
 При виде тех зверей, хрипящих, неуёмных
 (их звали Пирознт, Эой, Флегонт и Эфон),
 водящих по земле ужасными глазами,
 я чуть не убежал, а Фаэтон смутился,
 померк и побледнел, однако, наблюдая,
 как девушки легко с конями обращались,
 как просто, без труда ошейники крепили,
 встряхнулся и взошёл в уже дрожащий кузов.
 На Сириуса бог вскочил изящно, ловко,
 всё время говоря с притихшим Фаэтоном:
 «*Когда ведёшь коней, не мчись в эфир ливийский,
 там влажной смеси нет, и обод колесницы
 провалится.* Держись по центру небосвода,
 к созвездию Тельца, смотри, не приближайся,
 чтоб *три Гиады* нас дождём не утопили,
 *но колесницу правь на семь Плеяд лучистых!»
 Услышав те слова, схватил твой сын поводья,
 ударил по бокам коней упругокрылых,

168

169

170

171

172

173

пустил их сразу вскачь и взмыл в эфир слоистый. 174
Отец же позади, на Сириусе крепком, 175
скакал, ещё крича: «Сынок, веди прямее! 176
Колёса поверни! Сюда, сюда!* Не бойся!» 177
Мне слышен был глухой, далёкий голос бога,
и вроде всё пошло не очень безнадёжно,
уже я и вздохнул почти что с облегченьем,
как вдруг на небесах трягнуло колесницу,
она же начала описывать зигзаги,
колеблясь и дрожа! Я думаю, что кони
почувствовали вдруг, что их ездок неловок,
неопытен и слаб, что вожжи не тугие,
что слишком лёгкий вес у кузова большого!
Как ринулись они! И как заржали дико!
Весь кузов грохотал, туда-сюда болтаясь,
колёса из борозд, визжа, повывлетали,
кромсая синий лёд безмолвного эфира!
Совсем остервенев, топтали небо кони,
потом взлетели вверх, и резко развернулись,
и бросились к земле. На счастье всех живущих,
лишь несколько минут продлилось то паденье,
но пышная трава уже пошла дымиться,
и раздавался рёв тяжёлых бегемотов,
которые живьём в своих прудах варились.
Летели жеребцы, круша эфир над нами,
я голову задрал, вывихивая шею,
и вот, на краткий миг увидел Фэтона,
ужасное лицо, изломанное страхом,
и этот круглый рот, распахнутый для вопля,
как чёрная дыра, зиявший в клубах дыма.
Он вожжи отпустил, за голову схватился
и что-то мне кричал, но тут его трягнуло,
взлетели ноги вверх, и он упал на днище
окутанной огнём, скрипящей колесницы,
взмывавшей в небосвод, как огненная сфера,
как дикая звезда, рождённая сегодня
под сердцем у Земли, в озёрах дымной лавы!
По воздуху текли потоки смоляные,
кровь ночи молодой, пораненной металлом!
Казалось, эта ночь вот-вот падёт на землю,
смешается с огнём, погубит всё живое...
Но тут раздался свист, и воздух пропорола
огромная змея, сверкающее пламя!
Как хлопнет в небесах! Как даст по колеснице!
А колесница та, искрясь и укрупняясь,
валиться начала, чертя круги в эфире
и оставляя след, слегка багряный, влажный,
похожая на кисть, водимую безумцем
по синему холсту, натянутому криво.
Немного погода упала колесница

за садом, у реки. Я слышал звук паденья,
протяжный и глухой, но я пошевелиться
не мог. Я лишь стоял, ещё не понимая,
какое нам судьба несчастье сочинила!
Потом, придя в себя, засеменя ступнями,
к деревьям побежал, рыдая, задыхаясь.
Там я увидел то, чего забыть не в силах:
в пузырястой реке лежала колесница,
под шумною стеной из грушевых деревьев.
Разбрызгалась вода, земля совсем размякла,
как позднюю зимой, когда отхлещут ливни.
У берега реки овраг был неглубокий,
а в нём лежал твой сын, обугленный и мёртвый,
одетый смоляным, чуть серебристым дымом.
А кузов был в реке, разломан, опрокинут,
лежало колесо чуть ниже по теченью,
как око мертвеца, глядящего из ада.
Не видел я коней. Должно быть, ускакали
те кони прямо в сад. Я не могу поверить,
чтоб молния могла убить зверей бессмертных.
Был Сириус гнедой к стволу привязан крепко,
он головой крутил и всё кусал уздечку,
а Гелиос нагой в реке стоял, и спицы
руками доставал, и складывал на берег.
Был хладнокровен бог, но я едва не умер
от жуткой тишины такого хладнокровья!
И поднял звёзды глаз тот бог великолепный,
«вот видишь, – говорит, – что мой сынок устроил.»
И снова замолчал. Потом: «Скачи скорее
домой. Всё расскажи несчастнейшей Климене.
Пускай она начнёт готовиться к обряду,
но только без венков и сладких гимениев.
Я скоро ей пришлю погибнувшего сына,
закончив этот день, короткий и проклятый.»
Вот я и прискакал. Прости меня, Климена,
что я не углядел... Кл. *Сыночек мой погибший
в овраге том гниёт, убитый, необмытый!*

Восп. Царица, посмотри! Уже во двор заходят
не наши пастухи, печальные, немые!
Они сюда несут обугленное тело
сыночка твоего. Мы все теперь погибли!

Кл. Беги к ним поскорей! Скажи, чтоб Фаетона
несли ко мне сюда! Я тут одна побуду.

Восп. Конечно, госпожа! Об этом не волнуйся!

Кл. Как трудно мне дышать. Комок стоит под горлом.
И странно, что совсем не хочется мне плакать.
Я всё гляжу вокруг, а мир какой-то странный.
Чей это двор? Чей дом? Чьё озеро? Чьё небо?
Климена, соберись, иначе ты пропала!
Сожми себя в кулак! Потом оплачешь сына!

Узнает Мероп всё, как только воспитатель
завертит языком. Все слуги говорливы,
хоть этот верен мне, и столько лет ни словом
не выдавал меня. Но всё теперь иное!
Вон мальчика несут. Велю я тело спрятать
от Меропа в хлеву. Мне надо подготовить
супруга моего и вымолить пощаду.
Надежда лишь одна, что эфиоп суровый
дочь бога покарать, наверно, не решится.

Хор Тягостна жизнь человека,
из пустоты появляясь
и в пустоту пропадая.
Что молодой ты, что старый –
вечности всё безразлично!
Даже великие боги
падают в смерть и забвенье.
Но умереть от полёта
и от сапфирного неба –
это же несправедливо!

Люди по-разному гибнут,
кто-то в стремительной битве,
кто-то от долгой болезни,
но лишь немногим даётся
золото молнии хлёсткой
в небе пылающем встретить.
Гибель от бога – не гибель,
но утверждение в жизни,
всё, что даруется небом,
нам обещает бессмертье.

Фэтон уничтоженный,
тяжким светом прорезанный,
где глаза твои синие,
где душистые локоны?
Как зрачками сожжёнными
ты увидишь родителей?
Как язык твой обугленный
скажет маме приветствие?
Словно дерево чёрное,
ты лежишь и не движешься,
словно птица убитая,
пыль царапаешь крыльями!

Города эфиопские,
вы теперь опустеете,
отзвучат все мелодии,
лопнут струны медовые!
Златогривые лошади

по долинам рассеются,
зарыдают в святилищах
яшмоглазые статуи!
Дым от жертв сожигаемых
не поднимется облаком,
дыма мёртвого мальчика
в бедном небе достаточно!

Держись, Климена славная!
Не поддавайся горести!
Твой сын летит уверенно
на колеснице огненной!
Упало то, что падает,
чему паденье свойственно,
а сердце шумнокрылое
погибелью возносится
и мчится в небо синее
своей души божественной!

	Климена-госпожа! Мы знаем, как ужасно для матери терять единственного сына. Мы все обречены на скорби, на утраты, и в мире не найти немеркнущего счастья! Страдание твоё лишь кажется громадным, но боль твоя взрастёт, распустится, увянет! Всё кончится для всех! Всё временем сотрётся!	
Кл.	Он так любил стрельбу, борьбу и упражнения, охотился, стрелял и маслом умащался, вот мальчик и решил, что совладеет с небом, вот мальчик и погиб, бесславно и ужасно! *Легконосимый лук из дёрена мне гадок, пусть вовсе пропадёт гимнастика!* Да сгинет божественная кровь, несущая погибель! Взлетел он в небеса, *желанием охвачен* стать богом, как отец! Ах, бедный мой ребёнок!	178 179
Хор	Решила так *судьба*. Её не переменишь! Легко ли разорвать *злосчастные* тенёта?	180 181
Кл.	Мой сын передо мной. На вечный век *покинув* сон гибельной *земли*, он пробудился к жизни, *мне*, бедной, завещав *богатство* причитаний, пустую роскошь слёз! Какое процветанье досталось мне теперь, любезные подруги!	182 183 184 185 186
Хор	Да-да! Твой сын ушёл, оставив *след* горчащий!	187
Кл.	Что делать мне теперь? Как Меропу *раскрыться*?	188
Хор	Решай! Не окажись во *мраке подземелья*!	189
Кл.	Он собственной жене и *городу* покажет и ярости размах, и силу *тирании*!	190 191
Хор	Сочувствия в душе не знает этот *Мероп*, и нелегко тут жить согражданам *свободным*! Стараются они с властителем *богатым*	192 193 194

	помягче поступать. И казнь любую *город*	195
	воспримет в тишине. Лишь там *закон*, где Мероп!	196
Кл.	Подруги, вы добры. Большое вам *спасибо*!	197
	Мы спрячем тело. Да! Теперь я стала *мудрой*,	198
	перекормив мой ум *делами* человекoв!	199
Хор	Но как мы скроем труп? Ты разве смерти *жаждешь*?	200
	Не нужно потакать мечтам *невыполнимым*!	201
Кл.	Я *хитростью* спасусь. Хитрить мне нужно *снова*!	202
Хор	Добра нам не видать! Я *чувствую всё это*!	203
	Обратной стороной к нам повернулись *звёзды*,	204
	и разрешенья нет невыносимым *бедам*!	205
Кл.	Останется мертвец пока один, *во мраке*,	206
	никто не будет знать, где сын, *в какой гробнице*	207
	он тайно, словно царь низвергнутый, *упрятан*.	208
	А вы закройте рты, *по городу* гуляя,	209
	молчанье – ваш *залог* любви к своей хозяйке!	210
Хор	Мы *мёртвые* для всех! И мы молчать клянёмся!	211
Кл.	Да, сердце верит вам! Но как *судьбу* обманешь?	212
	Никак! Но всё равно мне *нужно попытаться*!	213
	Мой мальчик дорогой! Как он теперь ужасен!	
	И тело всё черно! И волосы, как пепел!	
	Зачем же я живу? Я разве мать? О, боги!	
	Дымится мой родной, горит огнём сокрытым,	
	ни плакальщиц не ждёт, ни скорбного обряда,	
	ни жгучих языков, дающих слово смерти!	
	*Эриния в огне над мёртвыми ярится	214
	и выдыхает смерч пылания живого!	215
	Конец мне! Что вы в дом не занесёте тело?	216
	Мой муж, мой муж идёт, и свадебные песни	217
	горланит, и ведёт хор девушек прекрасных!	218
	Нельзя ли побыстрей? Сотрите капли крови,	219
	которые могли упасть на эту землю!	220
	Рабыни, поскорей! Я в каменной пристройке	221
	сыночка утаю, где золото у мужа	222
	хранится. Только я кладу печать на двери!	223
	О Гелиос благой, убийца светозарный	224
	меня и вот его! Не зря ты Аполлоном	225
	зовёшься среди тех, кто тайны прозвищ знает!	226

ДЕВУШКИ

	Гимен! Гимен!	227
	Мы воспеваем дочь Зевса небесную,	228
	страстных Эротов хозяйку великую!	229
	Ты, Афродита, венчаешь всех девушек!	230
	Брачные песни, Киприда, владычица,	231
	светоч богов, я пою тебе, славная,	232
	и жеребёнку, едва запряжённому,	233
	ты же в эфире скрываешь родимого,	234
	в браке твоём превосходно рождённого!	235

	Для владыки	236
	города этого свадьбу отпразднуешь	237
	ты, Афродита, для сердца, любимого	238
	в доме твоём, раззолоченном звёздами!	239
	Царь благодатный, удачей возвышенный!	240
	Ты породнишься с богиней пленительной,	241
	станешь единственным свёкром, допущенным,	242
	смертный, к бессмертным, и дивными гимнами	243
	в мире бескрайнем ты сердце попотчуеть!	244
Мер.	Ступай, веди домой моих помощниц юных!	245
	Вели моей жене устроить хороводы,	246
	прославить всех богов, кружась в пристойном танце!	247
	И Гестиев очаг почитите гименеем!	248
	Там каждый, кто умён, молиться начинает	249
	бессмертным божествам!* Иди! Чего ты медлишь?	250
	На площадь я ходил и только что вернулся,	
	ошеломлён толпой, желавшей мне блаженства.	
	Когда мы завершим и танцы, и молитвы,	
	чтоб жертву принести прелестной Афродите,	
	*из дома мы пойдём к святилищу богини!	251
СЛУГА		
	Хозяин! Со всех ног из дома я примчался!	252
	Из комнаты твоей, где ты своё богатство	253
	и золото хранишь, клуб дыма смоляного	254
	сочится вдоль щелей, покрыв собою стены!	255
	Я в щель-то заглянул, но пламени не видел,	256
	вся комната полна тяжёлым, чёрным дымом!	257
	Скорей беги домой! То не Гефест ли плещет	258
	своим огнём на нас и весь наш дом сжигает	259
	в неповторимый день женитьбы Фаэтона?	260
Мер.	Чего ты там несёшь? Наверное, ты видишь	261
	сюда летящий дым от приносимой жертвы!	262
Сл.	Я всё там осмотрел! Нигде нет больше дыма!	263
Мер.	А что моя жена? Она об этом знает?	264
Сл.	Царица занята! Богам приносит жертвы!	265
Мер.	Ну что ж, я сам пойду! Когда к таким явлениям	266
	относишься легко, недалеко до бури!	267
	Владычица огня! Родная дочь Деметры!	268
	И ты, благой Гефест! Мой дом вы пощадите!	269
Хор	Беда-то! Беда! Куда же теперь	270
	направиться мне крылатой стопой?	271
	В эфире пропасть? В невидимой мгле	272
	разверстой земли свой дух испустить?	273
	Ах, боже ты мой!	274
	Раскроется зло!	275
	Несчастливая мать! Царица и сын!	276
	И спрятанный труп!	277

	О-то-то-то-той! И Зевсов огонь!	278
	И Гелиос-бог! И тайная связь!	279
	Бедняжка, тебя в бездонное зло родил Океан!	280 281
	Колени отца скорей обхвати!	282
	Меч, меч отведи от шеи своей!	283
Мер.	<i>(изнутри)</i> О, боже мой!	284
Хор	Вы слышали его? Заплакал наш хозяин!	285
Мер.	<i>(изнутри)</i> Сыночек мой!	286
Хор	Страдальца он зовёт! А тот его не слышит!*	287
	Выходит он во двор! Нам слёзы *ясно видно*!	288
	Подруги, как нам быть? Как Мeroпа утешить?	
Мер.	Я всё! Погиб!	
Хор	Мужайся, господин! Все смертные страдают!	
Мер.	*Ай-ай!* Как я, глупец, обманут неким богом,	289
	который гименей меня учить заставил,	290
	певучий гименей, красивый, сладкогласый,	291
	чтоб эти небеса со мной возликовали!	292
	Но ты, мой сын, ушёл! Отца ты не послушал,	293
	ты *слёзы* для него, несчастного, оставил!	294
	Мне *больше не* пройти, разбрасывая просо и с хором *гименей* богатый распевая!	295 296
	Как *счастье* унеслось! Ты где, сынок родимый?	297
	Как можно мёртвых *звать* из черноглазой бездны?	298
	Мы можем лишь рыдать, лишь *плакать* безутешно!	299
	О, боги! О, судьба! За что мне боль такая?	300
	Кого я прогневил? Кому не дал я жертву?	301
	Чей храм не украшал весенними цветами?	302
	Да разве был такой ягнёнок безупречный, *который* алтари не красил нежной кровью?	303 304
	Ничтожный дух у вас, пустое сердце, боги!	305
	Одна у вас мечта – над смертными глумиться!	306
Хор	Опомнись, господин! Молчи! Не богохульствуй!	307
Мер.	*Позвать* сюда скорей седого педагога!	308
	Позвать *мою* жену! Она ещё не знает, какая бездна *зла* под нами развернулась!	309 310
Хор	Гляди! *Вон человек из дома* появился!	311
	То *сына* твоего и друг, и воспитатель!	312
Мер.	*Ну ладно*, выходи! Не прячься там, за *дверью*!	313
	Рассказывай мне всё, *чтоб мы узнали* правду!	314
	Жестокая судьба убила Фазтона, распался дивный брак по умыслу *богини*!	315 316
Восп.	*Беда мне!* Господин! Ах, не казни! Помилуй!	317
Мер.	*Стенай*, стенай, злодей! Не уберёг ты сына!	318
Восп.	*Ай-ай!* Я весь дрожу! Мой рот слезами полон!	319
Мер.	*Вдвойне* ты заревёшь, когда не скажешь правды!	320
Восп.	*Что* хочет господин, чтоб я ему *поведал*?	321

Мер.	*Кто сына* погубил? Выкладывай скорее!	322
Восп.	*Я знаю*, господин! Мне страшно это молвить!	323
Мер.	Ты знаешь, что тебя *ответить* я заставлю!	324
Восп.	*Мала* ещё беда, пока ты всё не знаешь!	325
Мер.	Пускай беда *растёт*! Скажи мне! Кто убийца?	326
Восп.	*Кто* сына *твоего* убил, тот всех сильнее!	327
Мер.	Кто это? Говори! То демон или смертный?	
Восп.	То Зевс! И он огнём ударил Фаятона!	
Мер.	Что мелешь ты, старик? Совсем ты помешался?	
Восп.	Поверь мне, господин! Так именно и было!	
Мер.	Свет кружится в глазах. Быть может, я безумен?	
	Рассказывай, старик! Не упусти ни слова!	
Восп.	Я всё уже сказал царице, повелитель!	
Мер.	Климена знает всё? И до сих пор молчала?	
Восп.	Ещё один рассказ мне душу изувечит!	
Мер.	Что мне твоя душа! Иди за мной скорее!	
	Там, в комнате моей, никто нас не услышит!	
	Запомни: если ты чего-нибудь не скажешь, то будешь так визжать, что мёртвые проснутся!	

Хор

Кони Солнца потерянно
по земле разбредаются.
Гривы смешаны, спутаны
в листьях зарослей грушевых,
а копыта утоплены
в глине влажной, сиреневой.
Кони есть не хотели бы
эти травы горчащие,
кони пить не желали бы
эту воду свинцовую,
кони плачут, усталые.

Эти гривы, расчёсаны
белоснежными гребнями,
тонут в зарослях грушевых,
а копыта, омытые
из кувшинов серебряных,
серой глиной заляпаны.
Голубей воркование
режет уши ранимые,
капли речки разбрызганной
портят шкуры прекрасные,
жгут их гибельным оловом.

Каждый глаз округляется зеркалом,
бездной бронзы, до блеска начищенной,
переполненной небом и временем,
грива каждая тонко изогнута,
словно лира поэта казнённого.

Не зовите возницу, любезные!
Он заснул и о вас не подумает!
Проведя вас по небу, он факелом
выпал в смерть из ладони сапфировой
и в овраге сгорел багрянеющем.

Мер. Климена! Я хочу с тобой поговорить!
Кл. Я слушаю тебя, супруг мой драгоценный!
Мер. Коварная душа! Предательница! Тварь!
Всех грязных дел твоих вовек не считаешь!
На что был твой расчёт, я что-то не пойму?
Ты думала, что я слепым весь век останусь?
Ты в жизнь мою вползла, как влажная змея,
мне сердце прокусив холодными зубами!
Но Меропа тебе ничем не одолеть!
Я вырву это зло недрогнувшей рукою
и насмерть раздавлю на мраморном полу!
Кл. Не гневайся, молю! Пожалуйста, послушай!
Мер. Нет, это ты, змея, послушай речь мою
и знай, что ты вполне заслуживаешь казни!
Отец твой, Океан, мне в жёны дал тебя,
развратнейшую дочь! Меня он зятем выбрал!
Великого царя, властителя полей,
он сделал и глупцом, и жалким роконосцем!
А как он вёл себя! Как важно говорил,
как будто делал честь какому-то холопу,
подсовывая мне испорченный товар!
Все боги таковы! Все только и мечтают
о том, как смертный люд предать и обхитрить!
Он соблаговолил со мною породниться,
скрывая от меня и гнусный твой разврат,
и Гелиоса страсть, и мерзкие свиданья!
А я, такой глупец, поверил, разомлел!
Ну, думаю, теперь я божьим зятем стану,
волью в мой славный род блистающую кровь!
Блестит моя семья почище вас! Понятно?
Что дали вы мне все? Бесчестье и позор!
Я прожил столько лет счастливым роконосцем,
и сына так любил, прижитого с другим!
А мог бы никогда о том не догадаться,
ходя туда-сюда, рогами шевеля,
дряхлая, словно шут, под дружный смех с Олимпа!
Но есть и высший суд! Есть правда на земле!
Мне Зевс открыл глаза! И самозванца-сына
спалил густым огнём, пронзившим грудь небес!
С блудницей же я сам сегодня расквитаюсь,
и собственным ножом ей горло распорю,
пусть пакостная кровь пятнает эти стены!
Наверно, и сюда бог Солнца приходил,
на брачную постель шута всех эфиопов!

Я рад, что мать моя не видит этот день,
когда любимый сын так страшно опозорен!
Царица бы сама зарезала тебя,
пронзив тебе глаза своими же ногтями!

Хор Когда кипит раздор в порядочной семье,
скажи, куда бежать? Всё гибнет во вселенной!

Кл. Давай, зарежь меня! К чему мне эта жизнь?
Размахивай ножом! Давно меня убило
другое остриё, великолепный свет!
Как можно было мне сопротивляться Солнцу?
Не ясно ли, что всё позволено богам?
Откуда у меня взялось бы столько силы?
Ты думаешь, я кто? Антей? Тесей? Геракл?
Взял Гелиос меня, и мальчик появился,
который у меня под сердцем созрел.
Да разве я могла не допустить рожденья?
Как можно божий дар обратно возвращать?
Пускай дары богов оттягивают руки,
нам нужно всё терпеть! На то мы рождены!
Что делать было мне? И в чём я виновата?
Отец мне мужа дал, ни разу не спросив,
хочу ли я твоей супругой становиться.
Что сделать я могла? Остановить обряд
(я лишь тогда тебя увидела впервые)
и гордо заявить, что я уже взята?
Отца покрыть стыдом, а будущего мужа
повергнуть в горший срам? Что было бы со мной?
Что было бы с моим ребёнком нерождённым?
Но я решила так – свою нечистоту
я искуплю трудом, любовью, материнством,
я Меропу создам желанный, тёплый дом,
рожу ему детей, уже в законном браке,
и сделаю его счастливейшим царём!
Так вот что началось! Так вот что получилось!
На совести моей лишь малое пятно,
и вот оно меня, как ненасытной бездной,
готово проглотить! Климена, соберись!
Достоинно принимай прощальное мгновенье,
стучащееся в дверь чугуною рукой!
Иди уже в Аид, к любимому сыночку,
и обними его, и в глазки поцелуй!
Спокойно, не дрожи! Ты всё же дочь бога!
Не опозорь отца и всех своих сестёр!

Мер. Красиво говоришь, как твой сынок убогий!

Кл. Ты истину слышал. В ней мало красоты.

Мер. Божественный язык подвешен превосходно!

Кл. Я больше ничего не стану говорить.

Мер. Готовься умирать. Открой кинжалу горло!

Кл. Не надо, мой родной! Не убивай меня!

Мер. Что скажешь ты теперь, предательница мужа?

Кл. Не надо убивать! Пошли меня к отцу!
Мер. Конечно же, пошлю! Но только в виде трупа!
Кл. Но я чиста, супруг! И я тебе верна!
Мер. Расскажешь обо всём Аиду с Персефоной!
Кл. Прости меня, прости! Мне рано погибать!

Мер. Ах, негодная злодейка! Ядовитая гадюка!
Кл. Отойди! Не трогай, Мероп! Я ни в чём не виновата!
Мер. Ты мне с богом изменяла! Кл. До замужества! Невольно!
Мер. Что с того? Кл. Нам невозможно божествам сопротивляться!
Мер. Ах ты, мерзкая ехидна! И царица суесловья!
Кл. Ты уже утратил сына! И жену сейчас утратишь!
Мер. Не жену совсем! Не сына! Кл. Многим было бы приятно,
чтобы дом обогатился и божественным ребёнком!
Мер. Мне тут выроdkов не нужно! Хорошо, что Фаэтона
Зевс, вершитель правосудья, истребил огнём небесным!
Кл. Замолчи! Не смей порочить моего родного сына!
Мер. Замолчу! С тобою вместе! Кл. Что же, Мероп! Издевайся
над своей женой несчастной! Режь давай! Скорей! Не медли!
Мер. Это мне уже по нраву! Хоть умри, как подобает!
И пускай все жёны знают, увидав твой труп кровавый,
что, наверное, не стоит изменять своим супругам!

Хор Что там светится? Кто появляется?
Кто спускается с неба звенящего?
Вон стежки волокнистого золота
побежали по синему бархату!
Золотые уста раскрываются!
Замолчите и слушайте с трепетом!

ГЕЛИОС

Послушай, Мероп-царь! Останови свой нож,
над горлом госпожи жестоко занесённый!
А если ты меня послушаться решишь,
то проклянёшь и час, в который ты родился!
Нам рок пообещал великолепный день,
но только нетверды все обещанья рока!
Стал этот ясный день холодным и пустым,
и пасмурным, как смерть, и горьким, как рождение.
Взлетели кони вверх и, путь свой потеряв,
в чернеющий овраг швырнули колесницу.
Я вытащил её на берег из реки,
она теперь лежит и солнечно сверкает,
потом я унесу все части во дворец,
и пусть кузнец Гефест своей ночной работой
вернёт её в лазурь, когда придёт рассвет!
Нашёл я и коней. Как спутаны их гривы!
Бока обожжены! Травой оплетены
копыта! Этот мир за них уже схватился,
пытаясь удержать, оставить на земле.

Но смертному нельзя бессмертное присвоить,
и кони вновь со мной, и целы, и чисты.
Я их отвёл домой, а сам сюда приехал,
и вот на что гляжу! Ты, Мероп, осознай:
Климена пред тобой ни в чём не виновата,
она тебе была вернейшею женой
и сделала тебя счастливым человеком!
Бог Солнца восстаёт, и светит, и царит,
и наполняет мир великолепным светом,
а вещи отдают обратно этот свет,
по-разному, кто как, велением природы.
И если яркий свет на зеркало падёт,
и зеркало горит, свет этот отражая,
то будет ли твердить разумный человек,
что зеркало само наполнилось пыланьем?
Я семенем своим Климену одарил,
и вырос из него божественный ребёнок,
себе не находил он места на земле,
огня своей души ничуть не постигая.
Душа его была из солнца соткана,
и в клетки плотяной тоскливо было солнцу.
Мой невозможный сын! Зачем тебя решил
оставить я внизу, среди безумных смертных?
Зачем я возмутил твой разум высотой?
Чтоб в мире этом жить, будь смертным или богом,
а смешанная кровь тут жизни не найдёт,
нигде ей дома нет, ни на земле, ни в небе.
Ты слишком был силен для этого дворца
и невозможно слаб для бешеной лазури,
не вышел из тебя ни бог, ни человек,
тебе лишь под землёй нашёлся дом родимый!
Хотел тебе я дать одну из Гелиад,
но ни одну из них ты выбрать не решился,
поэтому тебе даю я семерых,
пускай они шумят густыми тополями
над холмиком твоим и долго слёзы льют,
а слёзы янтарём пускай затвердевают,
как память о твоей несчастнейшей судьбе.
На памятник склонясь, *прохладные деревья
в объятия тебя любовно заключат*,
пока не истекут назначенные годы,
пока не отомрёт вся память о тебе.
На Фэтона Зевс рукой своей направил
блистающий огонь, поэтому навек
не прикоснётся тлен, губитель размышлений,
и смертной красоты, и трепетных надежд,
к останкам дорогим возлюбленного сына!
Ты, Мероп, не вини властителя небес,
его глаза ясней, чем все глаза на свете!
Зевс должен был сдержать остервенелый бег

могучих тех коней, не то и миру смертных
несладко бы пришлось, и всем земным богам.
Огонь бы всё пожрал, и вновь бы мир вернулся
в ту огненную плавь, откуда он возник.
Нет, Мероп! Не горюй! Не надо громко плакать!
Ты руки опустил, и я тебя хвалю
за музыку ножа, упавшего на мрамор!
Запомни, гордый царь! Я семенем своим
дал сыну эту жизнь, я создал Фэтона,
но ты его любил и, не жалея сил,
воспитывал, кормил, для трона подготовил,
ты был ему щитом, родителем, копьём,
ты вырастил его и обучил, как сына,
и, значит, Фэтон и есть родной твой сын!
Ты спину распрями! Ты обними супругу,
которой сам Олимп завидовать готов!
Не сетуй на судьбу, не осуждай бессмертных,
которых никогда не сможешь ты понять,
но царствуй много лет, и жизнью наслаждайся,
и сам ты будешь цел, и вся твоя страна!
Вот речь моя тебе. Скажу я и Климене.
Прости меня за то, что так немудро я
божественных коней доверил Фэтону!
Я связан клятвой был, а клятва и богам
затягивает рот и стискивает руки.
Божественный огонь поднимется в эфир,
и никакая плоть его не остановит,
он пути разорвёт, и ринется в лазурь,
непрожитую жизнь мгновенно проживая
в одном рывке наверх. Твой милый Фэтон,
по небу пролетев, так и остался в небе,
что истинно лишь миг, то истинно всегда.
Прощайте! Мне пора в обратную дорогу!
Мне нужно отдохнуть и дочерям велеть
обряды начинать, в деревья превращаться!
Мер. Великолепный бог, я слушаюсь тебя!
О глупости своей я горько сожалею
и выполню всё то, о чём ты говоришь!
Не слушать небеса и страшно, и накладно,
и мудрый человек не спорит с божеством!
Климена, подойди! Не трепещи, не бойся!
Как будто пелена упала с глаз моих!
Как был я разъярён, и слеп, и неразумен!
Какую пустоту я чувствую в душе!
Кл. Прости меня, супруг. Я всюду виновата.
Мер. Не надо у меня прощения просить!
Я всё уже забыл. Мне и подумать страшно,
что было бы со мной, когда бы светлый бог
теперь не осадил убийственную руку!
Как жил бы я один, лишённый и жены,

- и сына моего? Какой же я несчастный!
Как был я на заре и весел, и силен!
И сын был у меня, упрямый, горделивый,
но собственный, родной! Теперь я знаю всё,
а сердце и горит, и любит Фаэтона!
Мой негорящий свет! Мой невозможный сын!
- Кл. Сам Гелиос тебе пришёл сказать сегодня,
что Фаэтон – твой сын. И так оно и есть!
Не любят божества заботиться о детях
и кровь свою дают беспомощным рукам.
- Мер. Теперь, моя жена, мне ясно и понятно,
что Фаэтон во мне отца не признавал,
и я могу понять его пренебрежение.
- Кл. Не прав ты, милый муж! Он верным сыном был,
про Гелиоса он рассказу не поверил
и захотел всё сам у солнца расспросить!
Был непослушным он, однако в эти годы
все дети таковы. Ты вспомни, как ты сам
из дома убежал, с твоим отцом повздорив,
и прожил целый год среди чужих племён,
и твой отец потом отправился усердно
разыскивать тебя, и он тебя нашёл,
и как ты счастлив был, когда домой вернулся!
- Мер. Прости меня, жена! Я разум потерял!
Такие я мечты высокие лелеял,
что видеть перестал! Но разве можно нам
крылатую лазурь достать мечтой бескрылой?
Ведь я не Фаэтон! Мне жить, а не летать!
Пойдём, душа моя, и сядем на террасе,
пусть девушки вина туда нам принесут.
- Кл. Пойдём, любимый муж! Ты только успокойся,
побереги себя! Легонько обопрись
на белое плечо твоей супруги верной,
готовое тебя в несчастье поддержать.
- Мер. Чудовищна беда и велико несчастье,
но время пробежит, по склону лет скользя,
и горести сотрёт пернатými ступнями.
Не плачь, моя жена! Я тоже замолчу!
- Хор Спи теперь, Фаэтон, сладко спи!
Вечер тихо ступает на землю,
боги спят на Олимпе высоком,
спят и смертные, всё забывая
про страдания и беды земные.
Спи и ты, Фаэтон, сладко спи!

23.06–28.08.2010, Брисбен

Полная переработка: 9.06–06.10.2021, Брисбен

Шлифовка текста: 1.12.2022